

СТРАНА РЕАЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ

Тематика очерковой прозы А.Битова обширна и многогранна. Но природа писателя - философа определяет стержневой аспект — это поиск молодым интеллектуалом подлинности, сущности человеческого бытия. Современная действительность казалась Битову ирреальной, а потому своим героям он в большинстве случаев дает не имена, а псевдонимы. Но данная концепция не утрирует, а, наоборот, актуализирует постановку вопроса — а есть ли реальный мир? Безусловно, Битов не первый задумывается над этим вопросом, тем не менее он явился одним из немногих, кто на морально-этическом уровне смог обосновать ответ. Проблема долгое время фигурировала в прозе Битова в теоретическом аспекте: он искал, путешествовал, перерабатывал обширнейший материал. Ответ был найден в Армении, где, применив свои знания на практике, Битов постиг глубинную сущность реальности. Лев Аннинский отмечает, что армянское произведение Битова — это “книга, тончайшим образом воплотившая внутреннюю драму, которую можно назвать сугубо “битовским сюжетом”: поиск реальности за “абракадаброй” знаков”¹. Битов-путешественник нашел не только еще один неизведанный уголок, а целый мир, преподносящий реальность “с дидактичностью опытного педагога”. В художественном восприятии писателя Армения - это страна, где национальной действительности изначально присуща реальность. Но здесь писатель постигает нечто большее, чем феномен мира реальных вещей. В армянской прозе Битов раскрывает аспект

¹ Аннинский Л., Локти и крылья. Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы. М., Советский писатель, 1989, с.132.

взаимосвязи реального и идеального как в национальном мире, так и за его пределами.

Очерку "Уроки Армениш"² в творчестве Битова отведено особое место, ибо инонациональная действительность явилась не только объектом изучения, но и стимулом к познанию и переоценке собственных национальных реалий. Язык, литература, история, архитектура, культура, национальный менталитет — вот основные темы глав-уроков очерка, детальное и глубокое раскрытие которых предопределило новый подход к глобальным проблемам эпохи. Армянская проза Битова явилась плодотворной попыткой проникновения в глубины человеческого сознания с позиций национального и глобального мышления. Очерк обозначил границу в жизни и творчестве писателя, так как в результате поездки в Армению было сформировано новое отношение к таким критериям человеческого бытия, как взаимопонимание людей в обществе и реальность существования.

Тезис о наличии реальности — это одна из ведущих тем всего очерка, но детально он исследуется в главе "Урок географии". На своеобразном построении главы отразилось техническое образование автора. Так он, рисуя образ Армении, начинает с главки "Макет", где перечисляет географические данные страны "с одним городом, одним круглым озером и одной круглой горой".(296) И далее эти аспекты представлены в главках "Город", "Простор", "Озеро", "Гора", где "Простор" — необходимое дополнение, позволяющее Битову описать и армянскую природу. Писатель отмечает неординарность армянского пейзажа, который подводит его к познанию сущности простора. В главке "Простор" Битов пишет: "Простор — категория национальная"(300). Тем самым писатель подчеркивает принципиальную разницу русского и армянского простора. Автор

² Битов А., Семь путешествий.- Советский писатель. Ленинградское отделение, 1976. В дальнейшем - цитаты по этому изданию с указанием в скобках страницы.

сопоставляет простор Западно-Сибирской низменности и тот простор, который открылся при взгляде из Арки Чаренца. В географическом плане понятия несравнимые. Их сравнение возможно лишь в ракурсе национального мышления. О своем путешествии по Сибири Битов пишет: "Проснулся, взглянул в окно — редколесье, болото, плоскость. Корова стоит по колено в болоте и жует, плоско двигая челюстью. Заснул, проснулся — редколесье, болото, корова жует по колено. Проснулся на вторые сутки — болото, корова. И это был уже не простор — кошмар".(301) Сибирский простор — это подавляющая сознание неизменность пейзажа, простор Армении — это гениальность архитектурного замысла арки. "Я почувствовал какой-то сговор, — пишет Битов, — от меня чего-то ждали, какого-то проявления. Ровным счетом ничего замечательного при всем желании не обидеть друзей я в этой арке не обнаружил. Меня подтолкнули в спину, даже как-то жестко. Недоумевая и чуть упираясь, я прошел под арку и охнул. Боже, какой отворится простор! Он вспыхнул. Что-то поднялось из меня и не вернулось". Сделав шаг вперед от Арки Чаренца, писатель познал суть простора в свободе, в полете. Битов увидел не просто красивый и величественный пейзаж (по его собственному признанию, предопределенный архитектурой арки вид Арарата он так и не увидел), а осознал непоколебимое величие природы. "Это — мир", — мог бы сказать я, если бы мог"(302), — пишет Битов. Писателю открылся мир, который он прежде считал непостижимым. "Передо мной был неведомый эффект пространства, полной потери масштаба, непонятной близости и малости — и бесконечности. И моего собственного размера не существовало. Я мог трогать рукой и гладить эти близкие маленькие холмы и мог стоять и поворачивать эту чашу в своих руках и чувствовать как естественно и возможно вылепить этот мир в один день на гончарном круге".(302) Самые разные чувства овладели им: головокружение, немота, "пропадание". Этот мир и был той реальностью, которую писатель так долго и скрупулезно искал. Искания успешно завершились в Армении, "в

стране реальных идеалов", где писатель осознал, как отмечает Е.Александрян: "необходимость возвращения к исконной сути понятий, к гармонии природы и времени"³, добавим - к гармонии материального и идеального.

Реальный мир армянской действительности подвел автора к переоценке таких философских категорий, как идея и материя. Несмотря на то, что на формирование битовского мировоззрения, безусловно, оказывала влияние пропаганда материализма в советском обществе, не допускавшая иных подходов к действительности, писатель тем не менее не ограничивается критериями эпохи. В своей армянской прозе он развивает теорию своеобразного дуализма, интерпретируя идею и материю как два взаимодополняющих начала. В очерке писатель помещает две главы: "Тезис" и "Антитезис". Глава "Тезис" начинается вопросом: "Откуда берутся идеалы?"(311) Писатель детально и последовательно изучает концепцию идеала. Он ищет идеал в искусстве, в литературе, в семье, в обществе. Но образ идеала, некогда вычитанный в книгах, со временем терял актуальность. "Это юность моя читала в них то, что хотела, что было записано в ней самой ..." - объясняет Битов.(311) Общество же не только не способствовало развитию идеала, но и "самыми примитивными способами" сводило на нет. Писатель искренне замечает: "Материализации идеала быть не может"(312). Но тут же подчеркивает, что идеал неперенная часть любого материального мира, независимо от степени его развития. Но Битову не свойственно останавливаться на достигнутом и, следуя закону отрицания отрицания, он материализует идею на примере армянской национальной действительности. Здесь идеи максимально соответствуют понятиям, отождествляются с миром материальной реальности. Подобное соответствие вытекает из первозданности, истинности национального мира. Битов долго и скрупулезно ищет

³ Александрян Е.А., Уроки Армении. "Литературная Армения", 1997, №1-3, с. 156.

определение, максимально точно передающее уникальность армянской действительности. Отбросив все возможные варианты (солнечная, гостеприимная, горячая, многострадальная), писатель выбирает слово "подлинный" и заключает: "Вот страна понятий" (313). Битов пишет: "...просто страна, где все было тем, что оно есть: камень — камнем, дерево — деревом, вода — водой, свет — светом, зверь — зверем, а человек — человеком. Где труд был трудом и отдых — отдыхом, голод — голодом и жажда — жаждой, мужчина — мужчиной и женщина — женщиной. Где всем камням, травам и тварям соответствовали именно их назначение и суть, где всем понятиям вернулся их истинный смысл..." (313)

Аспект подлинности национальной действительности подтверждает тезис материализации идеала. Но тот же национальный мир предопределяет и антитезис. Так глава "Попугайчики (антитезис)" рассматривает философскую категорию времени, как критерий частного и общечеловеческого существования. Определенная изолированность автора в инонациональной среде дает повод к сравнению с попугайчиками, столь же инородными для армянской действительности, как и сам автор. Битова пригласили в гости: хозяин угощал арбузами, друзья играли в нарды, сам автор, отчаявшись понять игру в нарды, рассматривал попугайчиков. "Их было пятьдесят, не меньше. И все они галдели, и разноцветный их шум рябил в глазах, бесподобный по яркости, громкости, наглости и великой отрешенности от всего прочего мира, до которого им не было никакого дела". (339) Но вот эта жизнь нарушена одним резким звуком извне — это хозяин попытался успокоить неутомонных птиц. Попугайчики замерли, а писатель задумался: "Не так ли и мы замерем, когда очередной ангел снимет с книги очередную печать! Не висит ли наш, покрашенный в синее, желтое и зеленое, глобус где-нибудь на ниточке в твоём саду? Может, земля — арбуз с какого-нибудь твоего райского древа? Не забыл ли ты о нас, задумавшись над очередным ходом в свои галактические нарды? А мы разгадались ..." (340) Но

вот попутайчики ожили, вернулись к жизни, и вновь их мир нарушен, время остановлено. Наблюдая своеобразный крутоворот жизни попутайчиков в клетке, Битов проводит аналогии со своим пребыванием в Армении. Мотив замкнутости бытия в клетке фигурирует как предпосылка раскрытия национальной темы. Битов пишет: "По обстоятельствам чисто внутренним я чувствовал себя запертым в родном городе и удрал из него" (299). Обстоятельства обусловлены не личными чувствами, не профессиональными и социальными потребностями, а именно "внутренними" порывами. Поступками писателя движут недра мысли, потребность знаний, пылливый ум. Но побег не состоялся: "... Удрал же, опять оказался в клетке, причем чужой. И своя была все-таки лучше." (299) Оказалось, что инонациональная действительность столь же ограничена, а потому она подводит к осознанию значимости "собственной" клетки, собственного национального мира. "Клетка" армянской действительности и клетка с попутайчиками — аналогичные мотивы, подводящие Битова к общему понятию замкнутости и предопределенности жизни высшими силами извне. И далее тема расширена до общечеловеческих проблем бытия.

Жизнь в клетке подлежит рассмотрению снаружи. Но ведь это сам писатель рассматривает национальную действительность, он вне ее времени и пространства, а, значит, и вне клетки. Интересно описание Битовым столь неординарной ситуации. Писатель прибегает к жанру автобиографических заметок, подчеркивая интимность повествования и мотив ожидания. Запись напоминает тюремную хронику, констатирующую лишь жизненно важные факты. "Я заперт, я в клетке. Каждый день меня переводят из камеры в камеру. Питание хорошее, не быют. Сколько времени сижу, не знаю. По-видимому скоро придет приговор." (341) Время останавливается, царит безвремяе. И далее наступает прозрение, возвращение в реальность: "Я в клетке — на меня все смотрят. Нет, это они смотрят на меня из клетки! А я-то как раз снаружи! Всех обманул..." (341)

Подобное отстраненное положение автора относительно окружающего приводит к осознанию сущности времени, его цельности и значимости. И если тезис предполагал возможную материализацию идеи, то антитезис не только опровергает подобную концепцию, но и дает времени (форме существования материи) предметные эквиваленты — арбуз, нарды. “Арбуз — это не плод, как все считают, — пишет Битов, — и не ягода, как его объяснили в школе, арбуз — это мера времени, приблизительно полчаса. В соседней комнате гора высотой с неделю...” (338) Предметное исчисление делает время наглядным, что позволяет оценить его период настоящего. Ранее Битов рассматривал время с субъективных позиций, а потому оно делилось на “мое” (авторское) время и на “иное, их время”. В Армении субъективизм писателя рушится, и “мое” время, измеряемое обыденностью, отходит на второй план. В результате, вникнув в “иное время”, писатель начинает новый отсчет, стартуя с настоящего.

Вслед за Мандельштамом, Битов определяет в Армении время подлинного существования. Рассматривая армянскую прозу Мандельштама, П.Нерлер отмечает, что в Армении поэт в “шуме времени” уловил “главное, что искал: собственное прошлое, настоящее и будущее сложились в единую картину.”⁴ В “Путешествии в Армению” Мандельштам писал: “Ты в каком времени хочешь жить? — Я хочу жить в повелительном причастии будущего, в залоге страдательном, в долженствующем быть”⁵. Концепция долженствования объясняется самим поэтом: “не только долженствующая быть”, а “долженствующая быть хвалимой”. Жить, как должно, жить творчеством, которое вернулось к нему в Армении — так Мандельштам определяет время своей мечты.

⁴ Нерлер П., Заметки о “Путешествии в Армению” О. Мандельштама., “Литературная Армения”, 1987, №10, с.79.

⁵ Мандельштам О., Стихотворения, проза. Записные книжки. — Ереван, “Хорурдаин грох”, 1989, с.59.

Та же национальная действительность обусловила обновленное восприятие Битовым критерия времени. Мотив долженствования рассмотрен писателем в ракурсе сплава прошлого и будущего в настоящем. Интересно, что в армянском путешествии Битова уже затрагивалась проблема сплава времени, при посещении Эчмиадзинского собора. Присутствуя на службе в главном храме армян, писатель не проникается религиозным чувством, а раскрывает концепцию времени. Тысячелетняя история, современность и будущее страны, древние храмы и молодые служители церкви, будничные понятия и философские категории оказались в одном измерении, столь обыденном для Армении и неординарном для писателя. "Что за водоворот времен закружил меня? — удивляется Битов. — Церкви тысяча шестьсот лет, а жертвоприношениям — десять тысяч; сноб вошел в церковь лет десять назад, а люди следуют обычаю не первую сотню лет, газетка под пир подстелена вчерашняя, а небо над нами вечно, католикосу шестьдесят, а мне тридцать — боже! — а певице — двадцать пять, а кто-то еще и не родился, и неба еще не видал!"(286) Эти наблюдения помещены Битовым в главку "Связь времен", где писатель резюмирует свои познания в области армянской истории, в частности аспекта ее древности. Столкнувшись с силой времени, с его физической насыщенностью и необъятностью, писатель заключает: "Я мечтал бы жить сию секунду. В эту секунду и только ею. Тогда бы я был жив, гармоничен и счастлив."(282) Мысль запечатлелась в сознании писателя и получила развитие при детальном изучении собственных временных концепций жизни и творчества. Битов заключает: "...если прожить в настоящем времени несколько дней, то вспоминать их можно годы".(342) Писатель отмечает, что в Армении он жил в настоящем времени, а значит познал суть истинного существования в "подлинной" стране, в "стране реальных идеалов".

Однако не только познание армянского мира обусловило обращение Битова к столь широкому спектру проблем, но и любовь к

чужой родине. "Эта книга — все-таки акт любви"(343), — пишет Битов. Любовь писателя предрешена его при общении к национальным реалиям Армении, постижением ее идеалов и ценностей. Многогранность познания армянской действительности и последующее осмысление собственного национального мира обусловили искренность и глубину чувства к чужой родине, пронесенного через года. В "Предисловии к переводу с 1969 на 1989 год" Битов пишет: "Я был влюблен в полноту своего чувства к чужой родине. Она мне принадлежала куда точнее, чем им. Я стал всем этим, что вокруг. У себя дома мне не давалось такое"⁶. Эти чувства были вызваны мелодией дудука; инструмента, исключительно передающего суть национального образа жизни. Столь результативное восприятие мелодии дудука подчеркивает глубину внедрения автора в основы армянского национального сознания, что в свою очередь и предопределило переоценку собственных национальных реалий и философских категорий. Л.Аннинский пишет, что "Уроки Армении" прочно вошли в сознание Битова. Многому "научила" писателя Армения, и быть может самому главному — восприятию идеала как непреложной части реального мира.

⁶ Битов А., Предисловие к переводу с 1969 на 1989 год. "Литературная Армения", 1990, №11, с.58.